

III. ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Информация для цитирования:

Одинцов С. В., Грибановская М. С. Ограничение прав должника в банкротстве физических лиц и альтернативных процедурах в России и в Австралии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 3(73). С. 431–449. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-431-449. EDN THOBRT

Odintsov S. V., Gribanovskaya M. S. Restrictions on Debtors' Rights in Personal Bankruptcy and Alternative Procedures in Russia and Australia. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 3(73). Pp. 431–449. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-431-449. EDN THOBRT (In Russ.)

УДК 347.736.4

DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-431-449

EDN <https://elibrary.ru/thobrt>

EDN THOBRT

Ограничение прав должника в банкротстве физических лиц и альтернативных процедурах в России и в Австралии

Публикация подготовлена в рамках научной школы

«Компаративистика частного права и цивилистического процесса»

С. В. Одинцов

Российский университет дружбы народов

имени Патриса Лумумбы

E-mail: odintsov-sv@rudn.ru**М. С. Грибановская**

Брянский государственный университет

имени академика И. Г. Петровского

E-mail: gracefulmind@yandex.ru**Статья поступила в редакцию 15.01.2026**

Введение: выбранные для анализа правовые системы относятся к разным правовым порядкам, но при этом относительно схожи в части регулирования процедур банкротства физических лиц. Это вызывает научный интерес к поиску баланса интересов всех участников процесса банкротства, что в благоприятном сценарии должно обозначить постепенный отход от явно прокредиторской направленности. **Цель:** в рамках сравнительного анализа рассмотреть, каким образом современные системы банкротства физических лиц в относящихся к прокредиторской модели конкурсного права государствах регулируют ограничения для должников и какие последствия влекут такие ограничения; на основе проведенного исследования сформировать представление о подходах правового регулирования в Российской Федерации и в Содружестве Австралии к ограничению прав должников – физических лиц как в процедурах банкротства и альтернативных процедурах, так и после завершения процедур. **Методы:** использованы диалектический метод, метод системного и функционального анализа, юридико-догматический и сравнительно-правовой методы, формально-юридический анализ и метод правового моделирования и интерпретации (толкования) правовых норм. **Результаты:** в исследуемых государствах законодательство о банкротстве физических лиц предусматривает ограничения, влекущие экономические, социальные и правовые последствия для должника. Он воспринимается как потенциально недобросовестное лицо, способное причинить вред имущественным интересам кредиторов и общественным интересам. При этом отмечается, что ограничения носят универсальный характер и применяются ко всем должникам, независимо от их личных качеств. Отечественное

© Одинцов С. В., Грибановская М. С., 2026

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

регулирование в ряде вопросов более строгое по отношению к должнику, но в некоторых аспектах (трудоустройство, судебная защита) более благоприятное для него. **Выводы:** авторы приходят к выводу, что в обеих юрисдикциях ограничения прав должника направлены на обеспечение баланса интересов и максимально возможного удовлетворения требований кредиторов, а также на устранение последствий недобросовестности должника и защиту общественных интересов. Ключевым выводом статьи является то, что ограничения прав должников и стигматизация банкротства в обеих странах противоречат доктрине «нового старта» и препятствуют реабилитации должника, его реинтеграции в экономическую среду. Предложены меры по совершенствованию российского законодательства, в том числе введение платы за доступ к информации о банкротстве и установление сроков её публичности.

Ключевые слова: банкротство физических лиц; неплатёжеспособность; ограничение прав; процедуры банкротства; модели конкурсного права; баланс интересов; стигматизация должника; «новый старт»

Restrictions on Debtors' Rights in Personal Bankruptcy and Alternative Procedures in Russia and Australia

Restrictions on Debtors' Rights in Personal Bankruptcy and Alternative Procedures in Russia and Australia

S. V. Odintsov

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)
E-mail: odintsov-sv@rudn.ru

M. S. Gribanowskaya

Bryansk State University
named after Academician I.G. Petrovsky
E-mail: gracefulmind@yandex.ru

Received 15 Jan 2026

Introduction: the legal systems selected for this study belong to different legal orders yet are relatively similar in their regulation of personal bankruptcy procedures. This arouses scholarly interest in finding a balance of interests of all participants in the bankruptcy process, which – in a favorable scenario – means a gradual departure from an explicitly pro-creditor orientation. **Purpose:** through a comparative analysis, to study how modern individual bankruptcy systems in states adhering to the pro-creditor model of bankruptcy law regulate restrictions on debtors, and what consequences such restrictions entail; to form an idea of the approaches adopted in the Russian Federation and in the Commonwealth of Australia to legal regulation of restrictions on the rights of individual debtors in bankruptcy proceedings and alternative procedures as well as after the completion of the procedures. **Methods:** the dialectical method, the method of systemic and functional analysis, the legal-dogmatic and comparative-legal methods, the formal-legal analysis, the method of legal modeling and interpretation of legal norms. **Results:** in the states under study, legislation on personal bankruptcy provides for restrictions that entail economic, social, and legal consequences for debtors. The debtor is perceived as a potentially dishonest party capable of harming creditors' proprietary interests and public interests. The restrictions are universal and apply to all debtors, regardless of their personal qualities. Russian regulation is stricter in relation to debtors in a number of aspects, but is more favorable for them in some others (employment, judicial protection). **Conclusions:** in both jurisdictions, restrictions on the debtor's rights are aimed at ensuring a balance of interests and the maximum possible satisfaction of creditors' claims, as well as at eliminating the consequences of the debtor's bad faith and at protecting public interests. The key conclusion of the article is that restrictions on the debtors' rights and the stigmatization of bankruptcy in both countries contradict the "fresh start" doctrine and hinder debtors' rehabilitation and reintegration into the economic environment. The paper proposes measures to improve Russian legislation, including the introduction of fees for access to bankruptcy information and the establishment of timeframes for its public disclosure.

Keywords: personal bankruptcy; insolvency; restrictions on rights; bankruptcy procedures; bankruptcy law models; balance of interests; stigmatization of the debtor; "fresh start"

Введение

Институт банкротства физических лиц в том или ином виде присутствует во всех развитых странах, в то же время функционирует он по-разному: отличаются признаки банкротства, процедуры, применяемые в деле о банкротстве, права, обязанности и ограничения должника в ходе этих процедур и по их завершении, полномочия лиц, управляющих активами должника и администрирующих соответствующие процедуры и др.

Несмотря на то что наказание должника, как санкционное воздействие в результате его неплатежеспособности, не является целью законодательства о банкротстве физических лиц в Содружестве Австралии (the Commonwealth of Australia, далее – Австралии) и Российской Федерации (далее – России), определенные элементы ограничительной политики в отношении банкротов всё же прослеживаются, что проистекает в том числе из исторического развития каждого государства. Так, стоит упомянуть «*cessio bonorum*» – конструкцию, порожденную римским правом, предполагающую передачу (уступку) имущества неплатежеспособного должника его кредиторам, что при этом не означало освобождения от ответственности, если только передаваемого имущества не было достаточно для данной цели, но это защищало должника от тюремного заключения или любого физического наказания, а также от позора. Небезынтересно и то, что данная возможность аннулировать свои долги в пределах переданного кредиторам имущества нашла отражение и в шотландском законодательстве о несостоятельности, то есть освобождала должника исключительно в размере уступленного имущества, и если его не было достаточно для полного погашения задолженности, то он оставался ответственным за разницу [23, с. 698–700, 704, 706–707].

Фактически современное российское правовое регулирование несостоятельности тяготеет к прокредиторской модели конкурсного права (вопрос весьма неоднозначный и спорный [1, с. 63–64]), как и банкротное законодательство Австралии, при этом отдельные нормы демонстрируют попытки законодателей обратить внимание на защиту интересов не только кредиторов, но и должника.

Формирование современных систем банкротства физических лиц, включая так называемого «потребительского банкротства», происходило различными путями. В Австралии проводилось реформирование существующего законодательства о банкротстве физических лиц с целью адаптации к потребностям потребителей с чрезмерной задолжен-

ностью, в то время как в России банкротство физических лиц и погашение задолженности изначально были недоступны для должников, не являющихся юридическими лицами, и положения об облегчении бремени задолженности потребителей были введены с 1 октября 2015 г. в качестве нового правового инструмента, а до этого момента положения гражданского законодательства распространялись лишь на физических лиц, обладающих статусом индивидуального предпринимателя¹.

В последние годы правовая доктрина и судебная практика каждой из исследуемых юрисдикций рассматривает цели банкротства физических лиц через призму баланса интересов, максимизации выгоды для всех участников процесса банкротства, что в благоприятном сценарии должно обозначить постепенный отход от явно прокредиторской направленности банкротства в пользу определенной либерализации и учета интересов и должника, но, к сожалению, темпы таких изменений всё еще медленные. Процедуры, применяемые в делах о банкротстве физических лиц, влекут для должника не только финансовые последствия, но и социальные, и даже психологические, что приводит к вопросу о допустимости и необходимости ограничения его прав с целью максимально возможного удовлетворения требований его кредиторов. Необходимость и допустимость таких ограничений вызывает дискуссии как среди ученых – правоведов, экономистов, социологов, так и среди практикующих юристов, а также представителей различных государственных органов, ведомств, финансовых организаций.

Настоящее исследование направлено на рассмотрение отдельных проблемных вопросов, связанных с таким последствием применения банкротных процедур, как ограничение прав должника – физического лица, в сравнительно-правовом аспекте с целью поиска оптимального правового регулирования банкротства физических лиц. Авторы анализируют правовые порядки, которые относятся к разным правовым системам, но при этом на федеральном уровне в них в определенной мере существуют аналогичные законодательные подходы (статутного права) регулирования банкротных процедур физических лиц, что представляет особый научно-практический интерес. В рамках сравнительного правоведения для анализа авторы избрали австралийскую прокредиторскую модель конкурсного права ввиду усматриваемой схожести с актуальной российской правоприменительной практикой, а также в силу недостаточной изученности, в отличие от иных юрисдикций англосаксонской системы права.

¹ Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2015. № 27, ст. 3945.

1. Ограничение прав несостоятельного должника в России

Действующее российское законодательство в рамках банкротства граждан предусматривает две судебные процедуры – реструктуризацию долгов и реализацию имущества. Цель в каждой процедуре своя [17, с. 1]. Первая процедура используется для восстановления платежеспособности должника и погашения задолженности перед кредиторами в соответствии с планом реструктуризации задолженности. Целью второй процедуры является соразмерное удовлетворение требований кредиторов физического лица и освобождение его от долгов. Хотя обе процедуры позиционируются как реабилитационные, вторая не имеет своей целью восстановление платежеспособности.

Каждая из этих процедур предусматривает определенные ограничения для должника, связанные, например, с ограничением возможности совершать сделки, свободно распоряжаться собственным имуществом или ограничением выезда из России (последнее возможно при признании гражданина банкротом) – для целей защиты прав и имущественных интересов кредиторов, обеспечения возможности удовлетворения их требований, и это направлено на соблюдение баланса интересов должника и кредиторов, поскольку банкротство граждан является экстраординарным способом освобождения от долгов, как неоднократно отмечалось в судебной практике. Новая процедура внесудебного банкротства не стала исключением, поскольку предусматривает ограничения для должника по совершению сделок. Ряд ограничений предусматривается и по завершении процедур, например, на участие в управлении юридическими лицами, на заключение кредитных договоров и договоров займа.

Некоторые представители отечественной доктрины сходятся во мнении, что законодатель связывает с введением процедур в деле о банкротстве наступление ряда правовых последствий, в том числе направленных на ограничение дееспособности должника [13, с. 38]. Вместе с тем в России законодатель прямо не раскрывает характер дееспособности гражданина, являющегося должником в деле о банкротстве, и вывод о наличии ограничения дееспособности следует из анализа ряда норм гражданского законодательства (ст. 21, 22, 25 Гражданского кодекса РФ) и законодательства о банкротстве (ст. 213.11, 213.24, 213.30 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», далее – Закона о банкротстве 2002 г.). Такое ограничение связывается непосредственно с последствиями введения в отношении гражданина одной из процедур, применяемых в деле о банкротстве. Так, И. С. Зубарев отмечает, что при признании физического лица банкротом «суд лишает его права распоряжаться своими правами и назначает управляющего» [34, с. 44]. Справедливым представляется

утверждение С. Б. Полич о необходимости разграничения ограниченно дееспособных должников и лиц, дееспособность которых ограничена по «медицинским основаниям» [13, с. 38], вместе с тем спорным, на наш взгляд, является мнение о единых пределах ограничения дееспособности банкротов и лиц, страдающих игровой, алкогольной, наркотической зависимостями ввиду их единой проблемы – «социального расстройства» [12, с. 322]. С нашей точки зрения, говоря о каком бы то ни было расстройстве, прежде всего, имеют в виду объективную проблему, не зависящую от воли человека, в то время как банкротство физического лица может быть как следствием его действий (либо отсутствия таковых), как волевых, так и нет, а может быть следствием стечения неблагоприятных обстоятельств, совершенно не связанных с волей гражданина, в отношении которого введена одна из процедур. Проблема неплатежеспособности не всегда привязана к личности конкретного должника, не является его «патологией» и может не быть его выбором, поэтому не считаем верным проводить подобные параллели и использовать для решения вопроса об ограничении дееспособности граждан предлагаемый автором критерий «степени социального расстройства гражданина – банкрота». Критерия добросовестности должника было бы вполне достаточно.

Некоторые исследователи сопоставляют действия финансового управляющего, с одной стороны, и попечителя (в терминологии австралийского законодателя – администратора (administrator) либо доверительного управляющего (trustee)) – с другой, сравнивая ограничение дееспособности при банкротстве граждан с ограничением дееспособности по статье 30 Гражданского кодекса РФ [3, с. 70–71]. Точка зрения интересная, но подобная параллель подходит не к любому типу должников в силу различных причин их банкротства и не отвечает целям попечителя и арбитражного управляющего [16, с. 17–19]. Здесь кроется одно из важных различий между ограничением дееспособности в привычном понимании и ограничением прав должника в деле о банкротстве. Ограниченную дееспособность можно восполнить действиями других лиц. Должнику же, в свою очередь, это недоступно, и если признать, что ограничения при несостоятельности являются ограничением дееспособности, то должник оказывается в более уязвимом положении, чем лицо, ограниченное в дееспособности.

Следует отметить, что в литературе есть мнение и о том, что введение процедур банкротства в отношении граждан влечет также ограничение правоспособности. Так, например, некоторые исследователи полагают, что ограничение правоспособности присутствует при банкротстве как юридических лиц, так и физических, и ограничением правоспособности является запрет на совершение сделок, а ограничением дееспособности – необходимость получения разрешения арбитражного управляющего на их совершение [14, с. 74].

Не согласимся с данной точкой зрения, поскольку, во-первых, представляется некорректным проводить аналогию между правоспособностью физических лиц и юридических в силу принципиальных отличий (объем, момент возникновения, характер), что уже неоднократно отмечалось в юридической литературе [11, с. 16, 25–26, 36]. Во-вторых, предусмотренные Законом о банкротстве 2002 года временные ограничения для должника преимущественно относятся к приобретению прав и обязанностей своими действиями, посредством совершения различных сделок, а не к его возможности иметь определенные права (не приобретать их, а иметь), которая возникает у каждого физического лица в силу рождения. Должник не теряет право заключать сделки как таковое, но лишь временно не может приобретать и осуществлять права, создавать для себя обязанности путем совершения определенных сделок. Например, обязательства по кредитному договору или договору займа он не вправе на себя принять, не указав на факт своего банкротства.

Если же говорить об ограничении участия в органах управления юридических лиц как о последствии признания гражданина банкротом, то в данном случае также ограничивается возможность бывшего должника приобретать права и создавать новые обязанности своими действиями либо возможность реализовывать существующие права самостоятельно, то есть дееспособность. При этом, с одной стороны, законодатель прямо не конкретизирует, о каких органах управления идет речь – исполнительном и/или высшем органе, но с другой – формулировка пункта 3 статьи 213.30 Закона о банкротстве 2002 года «иным образом участвовать в управлении юридическим лицом» является обобщающей. Возможность участия лица в исполнительных органах управления – это право, приобретаемое им своей волей, то есть относится к дееспособности. Вместе с тем если лицо уже является, к примеру, акционером или членом потребительского кооператива либо наследует долю в ООО, то формально становится членом высшего органа управления (общего собрания общества), но исходя из логики законодателя оно не вправе осуществлять корпоративные права или использовать свое право на владение имуществом. Более того, разделение имущественных и корпоративных прав в акциях невозможно по смыслу законодательства об акционерных обществах (если речь идет, к примеру, не об инвестиционных/корпоративных токенах, «investment» / «corporate» tokens» [20, с. 30]). И ограничение права на осуществ-

ление корпоративных прав в таком случае тоже является ограничением дееспособности, которое должник может восполнить путем передачи акций или доли в доверительное управление другому лицу. При этом с последствиями несостоятельности (банкротства) одного лица наступают последствия для другого, самостоятельного субъекта – уже юридического лица, особенно если бывший должник (физическое лицо) был единственным участником. Вместе с тем нельзя не отметить, что в судебной практике встречается мнение о том, что положения статьи 213.30 Закона о банкротстве 2002 года являются ничем иным, как ограничением правоспособности¹. «Некоторые суды указывают, что приобретение статуса банкрота подразумевает весьма существенные ограничения прав гражданина – как личных, так и имущественных» [24, с. 75].

Необходимо обратить внимание на позицию отдельных авторов, которые в отношении физического лица используют (возможно, как экономическую категорию) понятие несостоятельности. В частности, И. В. Фролов отмечает особый правовой режим трансформации правосубъектности несостоятельного гражданина, который выражается в ограничении объема реализации правоспособности гражданина (например, запрет на выезд) и специальных моделях ограничения дееспособности гражданина (запреты и ограничения на юридически значимые действия с имуществом и имущественными правами) [16, с. 22].

Таким образом, полагаем, что при банкротстве граждан речь идет не об ограничении правоспособности, а об ограничении в реализации лишь некоторых прав в рамках отдельных элементов таковой через ограничение дееспособности должника, ведь должник не лишается права заключать сделки вообще или участвовать в обязательствах, не лишается права заниматься определенной деятельностью в целом, не лишается возможности иметь имущество на праве собственности и др. Это согласуется с такими признаками правоспособности, как неотчуждаемость и абстрактность, поскольку, как, безусловно, верно указывает О. А. Кузнецова, «нормативные понятия (категории права) в идеале должны соответствовать правовым категориям» [8, с. 17].

Согласимся с критикой наложения ограничений на должника в случае прекращения производства по делу о банкротстве, в том числе, например, в силу абзаца 8 пункта 1 статьи 57 Закона о банкротстве 2002 года при отсутствии средств на возмещение судебных расходов на проведение процедур, приме-

¹ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 7 октября 2022 г. № 307-ЭС22-11479 по делу № А56-89726/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 19 августа 2022 г. № 307-ЭС22-10002 по делу № А56-86357/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22 марта 2022 г. № Ф01-495/2022 по делу № А28-3393/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19 июля 2023 г. № Ф04-2707/2023 по делу № А03-15386/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

няемых в деле о банкротстве [12, с. 319–320], поскольку процедуры в отношении должника так и не были проведены, не произошло ни восстановления платежеспособности, ни удовлетворение требований кредиторов, ни погашение долгов, а права должника тем не менее подлежат ограничению, чего не произошло бы, не попытайся он разобраться со своим финансовым положением, пусть и с помощью процедур банкротства. Иными словами, обращение к процедурам банкротства при отсутствии средств на их проведение может усугубить и без того плачевное положение должника. Это противоречит принципу равенства участников гражданских правоотношений и не отвечает современной мировой тенденции ориентирования на баланс интересов и реабилитацию должника, как экономическую (восстановление платежеспособности), так и социальную (отсутствие общественного порицания), а не только на имущественные права кредиторов. Ограничения, действующие для должников – физических лиц в процессе банкротства, регламентируются статьями 213.11 и 213.25 Закона о банкротстве 2002 года и отличаются в зависимости от процедуры, применяемой в деле о банкротстве. Ряд ограничений предусмотрен и по завершении или прекращении банкротства (ст. 213.30 Закона о банкротстве 2002 г.).

Авторы, рассматривающие запреты для должника-гражданина в процессе банкротства как ограничения право- и дееспособности, дифференцируют их на две соответствующие группы. Так, к ограничивающим правоспособность относят, например, запрет на совершение ряда сделок – при введении процедуры реструктуризации долгов, запрет на выезд (может быть наложен судом и только при наличии веских оснований полагать, что должник таким образом может попытаться скрыться сам или скрыть имущество) – в процедуре реализации имущества, запрет на участие в управлении юридическим лицом – по завершении или прекращении процедуры и др. К ограничивающим дееспособность – ограничения для должника в ходе процедуры реструктуризации долгов, связанные с необходимостью получить согласие финансового управляющего (например, по передаче имущества в залог, или по получению займов и кредитов), а также ограничения по осуществлению всех прав на имущество должника, составляющее конкурсную массу, – в процедуре реализации имущества.

Некоторые авторы разделяют ограничения, налагаемые на физическое лицо в процессе банкротства без учета того, ограничением правоспособности или дееспособности они являются. Так, Н. А. Васильева выделяет ограничение права на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны (сбор финансовым управляющим информации о должнике и его семье), ограничение права собственности (утрата должником возможности реализации прав собственника в отношении своего имущества в процедуре реализации имущества), ограничение

права на жилище (возможность продажи единственного жилья гражданина и предоставления ему альтернативного жилья), а также права на свободное перемещение (речь идет о праве суда вынести определение о временном ограничении должнику – гражданину права на выезд, которое действует до даты завершения или прекращения производства по делу о банкротстве) [4, с. 49–52].

И. В. Фролов предлагает классификацию, исходя из процедур, в которых устанавливаются ограничения для должника, а также с учетом характера ограничений. Так, в процедуре реструктуризации долгов гражданина он выделяет запреты на совершение отдельных категорий юридически значимых действий (совершение безвозмездных для «несостоятельного» гражданина сделок, внесение имущества в качестве вклада / паевого взноса в уставный капитал / паевой фонд юридического лица, приобретение доли/акции/пая) и специальные ограничения в отношении сделок, совершение которых допускается лишь с письменного согласия и под контролем финансового управляющего (приобретение или отчуждение имущества стоимостью свыше 50 тыс. руб., недвижимого имущества, транспортных средств, ценных бумаг, долей в уставном капитале, получение и выдача займов, получение кредитов, выдача поручительств и гарантий, уступка требования, перевод долга, учреждение доверительного управления имуществом должника, передача его в залог). В процедуре реализации имущества гражданина автор рассматривает систему прямых запретов, таких как, например, запрет на осуществление гражданином лично всех прав и сделок в отношении конкурсной массы и составляющего ее имущества, запрет на распоряжение средствами на счетах и вкладах, на открытие и закрытие счетов и вкладов в кредитных организациях, запрет на реализацию корпоративных прав, гражданско-процессуальных прав в судебных делах, касающихся его имущественных прав, запрет на регистрацию перехода или обременения прав на имущество, в том числе на недвижимость и бездокументарные ценные бумаги, а также запрет принимать исполнение третьими лицами обязательств перед должником по передаче ему имущества, включая обязательства по уплате денежных средств.

По завершении в отношении гражданина процедуры реализации имущества или при прекращении производства по делу о банкротстве в ходе данной процедуры предусматриваются запреты и ограничения (они действуют лишь на определенный регламентированный законом период времени), такие как, например: запрет принимать на себя обязательства по кредитным договорам, договорам займа без указания на факт своего банкротства, запрет на повторное банкротство по инициативе должника, отказ в освобождении от долгов при повторном банкротстве, запрет занимать должности в органах управления юридического лица или иным образом участвовать в управлении юридическим лицом и др.

Стоит также упомянуть о том, что информация о банкротстве физических лиц не только находится в публичном доступе, но и остается публичной бессрочно, причем предоставляется любым лицам на безвозмездной основе. Сведения о банкротстве граждан, публикуемые в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (далее – ЕФРСБ), содержат как подробную информацию о самом процессе несостоятельности (банкротства), так и персональные данные физических лиц. В частности, ЕФРСБ дает возможность любому лицу узнать ИНН, СНИЛС, дату и место рождения, место проживания должника, сведения о том, занималось ли лицо предпринимательской деятельностью, реквизиты ИП, сведения о вынесенных судебных актах, об имуществе и о реализации имущества, о наличии или об отсутствии признаков преднамеренного или фиктивного банкротства, обременения, членстве в саморегулируемой организации, наличии лицензий и пр.

Иными словами, общедоступным становится огромный пласт информации о должнике, причем не только сведения о его финансовом положении, но и персональные данные. Для целей нашей статьи нас больше интересует доступность информации о факте банкротства должника, поскольку такая доступность способствует собственно ограничению его прав. Подавляющее большинство запретов, налагаемых на должника, обеспечивается публичным доступом к информации о его банкротстве. Вместе с тем доступность этих сведений может негативно влиять и на возможность трудоустройства должника / бывшего должника в целом, и на его карьеру у конкретного работодателя. Любой работодатель при желании может ознакомиться с информацией и принять решение не в пользу бывшего должника – при решении вопроса о принятии на работу, особенно на ответственную должность, при принятии решения о переводе на другую должность. То же самое можно сказать и о потенциальных контрагентах – могут появиться сложности с наймом жилья, заключением различного рода сделок, где другая сторона вправе выбирать контрагента.

Неограниченная доступность информации о должниках и бывших банкротах лишь способствует стигматизации банкротства (независимо от причин, от добросовестности должника), минимизируя положительные для должника последствия, противореча поддерживаемой большинством цивилизованных обществ концепции «нового старта» (fresh start).

Таким образом, законодательство о несостоятельности (банкротстве), с одной стороны, предлагает несостоятельному должнику решить сложности с его долгами (иными словами, облегчение долгового бремени) путем достижения соглашения с кредиторами о порядке уплаты такой задолженности, о

рассрочке и/или об отсрочке платежей, восстановить его платежеспособность либо лишиться части имущества (или даже всего имущества), чтобы погасить задолженность настолько это возможно, и избавиться от остальной задолженности. С другой же стороны, должнику необходимо претерпеть целый ряд ограничений его прав в рамках действующих процедур, применяемых в деле о банкротстве. Некоторые ограничения направлены на обеспечение баланса интересов и максимально возможное удовлетворение требований его кредиторов (речь идет об ограничениях в период проведения соответствующих процедур, например ограничения по сделкам), другие же, предусмотренные после завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве, направлены на защиту общественных интересов, в первую очередь экономических.

Иными словами, российский законодатель охраняет имущественные интересы кредиторов от возможного недобросовестного поведения должника, а после ограждает других субъектов от взаимодействия с бывшим банкротом (кредитные организации и иные субъекты могут отказать в заключении договора займа или кредитного договора, узнав об имевшем место факте банкротства потенциального контрагента; бывший банкрот не сможет участвовать в управлении юридическим лицом и привести его к краху, как, впрочем, и наоборот, вывести бизнес на новый уровень, научившись на своих ошибках; злостный должник не сможет инициировать собственное банкротство повторно, как и неудачливый, а если повторное банкротство не будет добровольным, то от долгов его всё же не освободят). Безусловно, ограничения временные, но вместе с тем складывается впечатление, что они направлены в первую очередь на недобросовестных должников, хотя ни для кого не секрет, что есть разные категории должников и причины банкротства у них разные – от нежелания исполнять обязательства до независимых от должника причин, связанных, например, с трудоустройством, болезнью, а то и вовсе с экономическим кризисом, на который должник повлиять никак не мог.

2. Ограничение прав должника в Австралии

В Австралии банкротство физических лиц и способы управления несостоятельностью/неплатежеспособностью регулируются Законом о банкротстве (Bankruptcy Act) 1966 года (Cth)¹, распространяющим свое действие согласно статье 8 на всю территорию государства (за исключением нематериковой австралийской самоуправляемой территории – острова Норфолк (Norfolk Island), где действует отдельный закон (Bankruptcy Act 2006 г.))². Австралийский закон

¹ Australian Bankruptcy Act 1966 (version 14 October 2024) // Legislation.gov.au. Available at: URL: <https://www.legislation.gov.au/C1966A00033/latest/text>

² Norfolk Island's Bankruptcy Act 2006 // Legislation.gov.au. Available at: URL: <https://www.legislation.gov.au/C2015Q00084/latest/text>

(далее – Закон о банкротстве 1966 г.) помимо процедуры банкротства предусматривает две альтернативы – личное соглашение о несостоятельности (personal insolvency agreement) и долговое соглашение (debt agreement), но при этом физические лица чаще всего прибегают именно к банкротству, несмотря на отмечаемую исследователями финансовую доступность альтернативных процедур, в том числе для должников с низким уровнем дохода [19, с. 489–490]. Обе альтернативные процедуры предоставляют должнику возможность прийти к соглашению с кредиторами без вступления в банкротство. При этом в долговом соглашении, которое может предполагать шестимесячную заморозку погашения задолженности (ст. 185 Закона о банкротстве 1966 г.), устанавливаются ограничения по долгам, активам или доходам, которым должник должен соответствовать, а в личном соглашении о несостоятельности такие ограничения отсутствуют. Кроме того, при подаче заявления о личном соглашении о несостоятельности должник обязан назначить в рамках соглашения контролирующего доверительного управляющего (controlling trustee of the agreement) для управления своим имуществом, в частности таковым может быть лицо со статусом адвоката (solicitor), определить имущество и условия, на которых оно должно быть доступно для погашения требований кредиторов, то есть предложить план погашения долга (ст. 188, 188А Закона о банкротстве 1966 г.). К основным обязанностям и полномочиям контролирующего доверительного управляющего относятся действия по немедленному взятию под контроль имущества и дел должника с целью распоряжения имуществом последнего любым способом, который, по его мнению, отвечает интересам кредиторов, а также действия по проведению расследования и проверки в отношении имущества должника (ст. 190 Закона о банкротстве 1966 г.). При банкротстве должника после подписания соглашения о несостоятельности отменяются или прекращаются «любые неоплаченные обязательства, понесенные добросовестно, и неоплаченные затраты, осуществленные по доброй воле, при аннулировании контракта или любой договоренности, заключенных доверительным управляющим или должником, а также любые расходы, целесообразно и добровольно осуществленные, при аннулировании контракта или любой договоренности, заключенных доверительным управляющим, являющиеся расходами, которые не были возмещены» [10, с. 62].

Имущество признанного банкротом лица (за некоторыми установленными законом исключениями) передается доверительному управляющему (trustee) для управления и реализации с целью извлечения максимального дохода для осуществления выплат кредиторам. За некоторыми исключениями, все долги и денежные обязательства должника на момент признания его банкротом являются «доказуемыми в деле о банкротстве» [10, с. 54–55].

Законодательство о банкротстве в Австралии строится по так называемой «модели ограничений» [25, с. 9–10, 13–14], поскольку рассматривает предполагаемое отклонение должника от нормы как нарушение общественного порядка и социальных норм и при этом реагирует различными (политическими, экономическими и гражданскими) санкциями и ограничениями для должников во время и после банкротства, подчеркивая важность защиты общества от должника. Еще Э. Каденс отмечала, что желание мести и расплаты для должника хотя и не являлось целью банкротства, но «повлияло на отношение к банкротам кредиторов и общества в целом» [28, с. 1304]. Основной целью режима банкротства физических лиц в Австралии является восстановление экономических возможностей должника, предоставление возможности начать всё сначала в виде освобождения от обязательств (так называемый «новый старт» (fresh start)), второй важнейшей целью – распределение имущества должника самым оперативным, равноправным и экономичным образом [26, с. 47]. Этим целям подчиняются различные процедуры в рамках персонального банкротства. Концепция «нового старта» возникла в США и изначально была направлена на спасение бизнеса железнодорожных компаний, но постепенно была воспринята во многих развитых странах, включая Австралию [29]. Вместе с тем, как указывается в доктрине, концепция «нового старта» в Австралии ориентирована больше на погашение задолженности, чем на реабилитацию должника [26, с. 38]. Тем не менее исследователи [21, с. 396] отмечают и положительную тенденцию постепенного ухода от такой цели, как наказание должника.

Регулирование банкротства физических лиц в Австралии претерпевает изменения, стремясь соблюсти баланс между интересами должника и кредиторов, ориентируясь на стоящие перед банкротным законодательством цели. Вместе с тем исторически сложившаяся тенденция к стигматизации банкротства накладывает свой отпечаток. Исследователи отмечают, что «банкротство остается источником значительной стигматизации в Австралии, влекущей за собой ряд серьезных правовых, экономических и социальных последствий» [18, с. 1613]. Беспокойство политиков упрощением доступности банкротства и ослаблением стигматизации банкротств приводит, как правило, к усложнению процедур, усилению обременений для должников, например, к отмене возможности досрочного освобождения от долгов в рамках банкротства, предоставляемой некоторым должникам с 1992 по 2003 год, поскольку такая возможность не способствовала урегулированию задолженности путем заключения соглашений с кредиторами и улучшению навыков должника по управлению своими финансами и обязательствами [27, с. 1530].

В Австралии ограничения в отношении должника не рассматриваются как ограничение правоспособности или дееспособности, правовая наука рассматривает их как ограничения прав (legal restrictions), относя к ним дисквалификацию, экономические ограничения (например, запрет на управление компанией), политические (например, запрет голосовать или занимать выборные должности) или гражданские (например, запрет покидать страну).

Стоит отметить, что некоторые из альтернатив банкротству (неофициальные договоренности, долговые соглашения, соглашения о личной неплатежеспособности) в Австралии влекут такие же последствия, как и при банкротстве. Эти последствия могут повлиять на способность человека сохранять работу, занимать определенные должности и работать в определенных ведомствах и, конечно же, получать кредиты.

Факт банкротства или введения иных процедур в деле о банкротстве регистрируется в Национальном реестре «Индекс личной неплатежеспособности» (National Personal Insolvency Index, далее – NPII)¹, который может публиковаться в отраслевых журналах и местных газетах. Национальный индекс неплатежеспособности физических лиц содержит постоянную информацию обо всех банкротствах, но поиск по этому реестру требует уплаты сбора (15 австралийских долларов). В нем указаны имя, адрес и дата рождения должника, род занятий, а также контактные данные управляющего при банкротстве и текущий статус банкротства, но не содержится подробной информации об активах, доходах или конкретных долгах должника, погашенных при банкротстве. При этом запись о банкротстве хранится неограниченное время, а по другим процедурам – удаляется по прошествии времени [22, с. 9–10]. Данное правило призвано мотивировать должников выбирать процедуры, позволяющие кредиторам получить большее возмещение по задолженности. Так, например, если должник заключает долговое соглашение, то он, в отличие от лица, признанного банкротом, не ограничивается в свободе передвижения, не лишается возможности управлять корпорацией, права занимать место в парламенте, права занимать официальную должность или быть членом органа власти, а также не ограничен в продолжении или начале судебного разбирательства [31, с. 13].

В соответствии с Законом о корпорациях 2001 года (ст. 206В п. (3)–(4))² несостоятельный банкрот, бывший банкрот, не освобожденный от долгов, и лицо, заключившее соглашение о личной неплатежеспособности в соответствии с частью X Закона о банкротстве 1966 года или аналогичного закона иностранного государства, если условия соглашения были

соблюдены не в полной мере, отстраняется от управления корпорацией, то есть не может быть должностным лицом (officers), директором, учредителем (promoter) или управляющим корпорации без разрешения суда.

В целом ограничения в сфере профессиональной деятельности и трудоустройства для должника можно разделить на две группы:

- ограничения, препятствующие трудоустройству в ряде профессий – часть действуют на период банкротства, а часть распространяется на период после;

- ограничения, в отношении ряда профессий предполагающие необходимость доводить информацию о банкротстве до сведения работодателя или профессионального сообщества (преподавательский состав, школьная администрация и вспомогательный персонал, работники пассажирского транспорта и др.).

В совокупности с обязательной регистрацией факта банкротства в NPII и при отсутствии запрета на использование работодателями (в том числе потенциальными) информации о неплатежеспособности для принятия решений о трудоустройстве, увольнении, продвижении по службе, доступе к пособиям, связанным с трудоустройством и т. д., указанные ограничения могут привести к неблагоприятным последствиям для трудоустройства должника, банкрота и бывшего банкрота.

Примечательно, что ограничения на трудоустройство для банкротов вводятся преимущественно не законодательством о банкротстве, а отраслевым законодательством, нормативными актами и профессиональными правилами на уровне всего Содружества или штата (территории), причем исчерпывающего перечня таких ограничений нет, они отличаются в разных штатах. Австралийское правительственное агентство финансовой безопасности (The Australian Financial Security Authority/AFSA) размещает лишь примерный перечень на своем сайте³. К профессиям, которые под запретом для банкротов, например, относят руководителей корпораций, лиц, выступающих доверительными управляющими, членов парламента, высокопоставленных госслужащих, мировых судей, автодилеров, агентов по недвижимости и др. В иных случаях решение о возможности бывшего банкрота заниматься определенной деятельностью (в частности, в сферах производства, горнодобывающей промышленности, инжиниринга, консалтинга – юридического, налогового, бухгалтерского, банковского аудита, оценки, логистических и риэлтерских услуг, образования, госуправления) принимает уполномоченное на то лицо (специальная комиссия, орган управления, правление и проч.), причем учитываются конкретные обстоятельства банкротства (а не сам факт банкротства), его

¹ См.: National Personal Insolvency Index // Australian Financial Security Authority [website]. URL: <https://www.afsa.gov.au/online-services-help/bankruptcy-register-search/national-personal-insolvency-index-npii>

² Corporations Act 2001 // Legislation.gov.au. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2004A00818/2024-09-24/text>

³ См.: Employment restrictions // Australian Financial Security Authority [website]. URL: <https://www.afsa.gov.au/i-cant-pay-my-debts/bankruptcy/consequences-bankruptcy/employment-restrictions>

причины, а также личностная характеристика должника. При этом следует указать, что такое дискреционное право может быть оспорено в суде.

В австралийской правовой доктрине исследуется негативное влияние стигматизации банкротов на перспективы трудоустройства и на текущую трудовую деятельность банкротов и бывших банкротов, такая стигматизация противоречит цели «нового старта» и препятствует реабилитации должника, возвращению его в экономику [27]. Отмечается возможность негативного влияния известности факта неплатежеспособности на ведение бизнеса, трудоустройство и аренду (предоставление) жилья. Общедоступность данной информации часто оказывает неблагоприятное воздействие на должников, снижая их способность улучшить свое финансовое положение, а также положение в сфере трудоустройства или деловое положение в бизнесе после завершения процедур управления неплатежеспособностью, облегчая дискриминацию должника [22, с. 6–8]. При этом Всемирный банк в своем Отчете от 2013 года¹ предположил, что одной из основных целей системы банкротства физических лиц является восстановление экономических возможностей должника (условно его финансовое оздоровление), причем только погашения задолженности недостаточно, необходимо также соблюдение принципа недискриминации по отношению к должнику.

Помимо вышеуказанных ограничений, признанные банкротами лица обязаны раскрывать свой статус банкрота при совершении определенных сделок на сумму от 3 тыс. австралийских долларов (получение кредита, заключение договора купли-продажи в рассрочку, получение товаров или услуг от физического лица путем предоставления простого и переводного векселя, чека или обещания оплатить товары или услуги и др.), а также при ведении бизнеса под вымышленным именем, от имени другого лица или под названием фирмы (ст. 269(1) Закона о банкротстве 1966 г.). Такое ограничение действует на период нахождения в процессе банкротства и призвано защитить потенциальных контрагентов от действий должника. Факт банкротства, безусловно, влияет и на кредитную историю, и на кредитный рейтинг, а недоверие к банкротам ввиду их невозможности исполнить принятые на себя обязательства влечет в Австралии полное прекращение предпринимательской карьеры после банкротства.

У должника может быть сберегательный счет, но большинству банков требуется согласие доверительного управляющего (trustee). Никаких ограничений на сумму дохода, который банкрот может

накопить на своем банковском счете во время банкротства, не установлено. Но если денежные средства будут использованы для покупки актива, который не является защищенным (например, акций корпорации), управляющий может истребовать такие активы в качестве имущества, приобретенного после признания должника банкротом и подлежащего реализации для удовлетворения требований кредиторов.

Интересное правило предусмотрено для участия банкротов в судебных разбирательствах. Закон о банкротстве 1966 года предусматривает, что исковое производство по заявлению лица, признанного впоследствии банкротом, приостанавливается до получения письменного решения доверительного управляющего о возбуждении судебного преследования или прекращении действия иска (ст. 60(2)). Доверительный управляющий должен действовать разумно, принимая решение о том, следует ли продолжать судебное разбирательство. В этом случае имеет значение и готовность кредиторов профинансировать судебный процесс, возместить расходы управляющему.

Но обанкротившееся лицо может продолжить судебное разбирательство, начатое до банкротства, в связи с причинением ему телесных повреждений, смертью или телесным повреждением супруга или других членов семьи, а также в связи с причинением вреда этому лицу, например в связи с диффамацией. Имущество, приобретенное полностью или в значительной степени за счет компенсации или ущерба, полученного в ходе такого разбирательства, недоступно кредиторам. Кроме того, банкрот может продолжить или начать разбирательство, касающееся его трудоустройства (например, несправедливого увольнения или преследования на рабочем месте).

В контексте ограничения личной свободы банкротов законодательство Австралии предусматривает возможность свободного передвижения по территории страны (при условии информирования управляющего о смене имени, адреса или места работы), а вот выезд за пределы государства ограничен. Во-первых, при признании должника банкротом он обязан передать управляющему паспорт и иные документы, необходимые для поездок (ст. 77(1)(a)(ii) Закона о банкротстве 1966 г.)². Во-вторых, выезд за границу возможен лишь при получении письменного согласия управляющего (ст. 272(1)(c) Закона о банкротстве 1966 г.)³. Несоблюдение данного предписания строго карается – помимо возможности не быть освобожденным от долгов, срок банкротства в таком случае может быть продлен до восьми лет начиная

¹ См.: Insolvency and Creditor/Debtor Regimes Task Force, Working Group on the Treatment of the Insolvency of Natural Persons: Report on the Treatment of the Insolvency of Natural Persons (Working Paper no. 77170) Washington DC // World Bank Group [website]. 2013. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/668381468331807627/insolvency-and-creditor-and-debtor-regimes-task-force-working-group-on-the-treatment-of-the-insolvency-of-natural-persons>

² Australian Bankruptcy Act 1966 // Legislation.gov.au. URL: <https://www.legislation.gov.au/C1966A00033/latest/text>

³ Ibid.

с момента его повторного въезда в Австралию. Также банкрот может быть подвергнут уголовному наказанию – тюремному заключению сроком до пяти лет.

Управляющий может поставить условие для выезда банкрота за границу, касающееся уплаты взносов из дохода (банкроты уплачивают такие взносы из дохода, при превышении доходов над пороговой суммой, рассчитываемой арбитражным управляющим [33, с. 55–57]). Таким образом, возможность выезда лица, признанного банкротом, за пределы Австралии зависит от решения доверительного управляющего, которое может быть оспорено в судебном порядке. При принятии такого решения управляющий преимущественно опирается на убеждение о добросовестности или недобросовестности должника, на его заинтересованность в соблюдении имущественных интересов кредиторов, оценивая риск уменьшения имущественной массы и шансы на погашение требований кредиторов.

Нельзя не признать, что законодатель не игнорирует отмечаемую в доктрине проблему стигматизации банкротов. В 2024 году генеральный прокурор Марк Дрейфус заявил о том, что планируется проведение ряда реформ австралийской системы банкротства, направленных на «устранение стигматизации банкротства и создание более справедливой системы»¹. В частности, речь идет об увеличении срока, в течение которого должник может ответить на уведомление о банкротстве, об ограничении срока, в течение которого сведения о погашенном банкротстве будут отображаться в NPII (7 лет с момента подачи заявления), о повышении порога для банкротства по инициативе кредиторов, об исключении предложения о заключении долгового соглашения (и принятия такого предложения) из перечня актов банкротства. Также в качестве альтернативы банкротству предлагается «процедура с минимальными активами» (“minimal asset procedure”), позволяющая банкроту с незначительными активами и доходами освободиться от чрезмерной задолженности быстрее, чем при банкротстве, аналогичная новозеландской «процедуре в отсутствие активов» (“No Asset Procedure”).

Исследуя механизм правового регулирования ограничения прав должника, нельзя обойти вниманием судебную практику в данной области, поскольку правовая система Австралии относится к англо-американской правовой системе, где особую роль играют судебные прецеденты, формирующие прецедентное право (case law) в качестве полноценного источника. Пониманию судебных прецедентов,

их роли и видам доктрина уделила немало внимания. Е. М. Вахтинская выделила обязательные (решения вышестоящих судов, обязательные для нижестоящих), декларативные (подтверждающие уже существующие прецеденты), создающие новое правило прецеденты (при отсутствии судебной практики создают новое правило), прецеденты «убеждающей силы» (решения нижестоящих судов для вышестоящих, решения иностранных судов) и прецеденты «по умолчанию» (судебные решения, содержащие ответы на вопросы, напрямую не поднимавшиеся в суде) [5, с. 29–30].

И. Ю. Богдановская отмечала тенденцию создания судами преимущественно прецедентов толкования (принятие решений не на основе прецедентов, а на основе закона) и повышения их роли в странах общего права [2, с. 86–87]. Исследователи сходятся в том, что судебные прецеденты одних стран общего права являются убеждающими для судов других стран в пределах правовой семьи [2, с. 83–84; 7, т. 8, с. 191; 15, с. 326–327; 6, с. 36].

В рамках общих тенденций усиления роли статутного права (“statutory law”) в Австралии также большинство судебных прецедентов относятся к прецедентам толкования, в том числе в исследуемой сфере отношений.

О наличии определенной степени стигматизации напрямую упоминается в судебных решениях², причем влияние таковой отмечается не только непосредственно на банкрота, но и на его семью и партнеров. Что касается перспектив трудоустройства, то необходимость в ряде профессий обращаться в суд для восстановления возможности трудоустройства банкрота (в том числе для оспаривания отказа компетентных органов) формирует судебную практику в этой области. Анализ судебной практики по потере возможности заниматься профессиональной деятельностью вследствие банкротства был приведен в исследовании Н. Хауэлла [27, с. 1545–1548], и можно отметить, что, несмотря на различия законодательства в этой сфере от штата к штату, о чем мы уже упоминали ранее, шансы должника на восстановление в профессии преимущественно сводятся к его добросовестности, надлежащему поведению, а не факту банкротства. Также суды обращают внимание на то, сделал ли должник всё разумно необходимое для того, чтобы не допустить банкротства.

Правило об автоматическом отстранении от управления корпорацией при заключении должником соглашения о личной неплатежеспособности, а также в случае, если банкрот не был освобожден от обязательств, подтверждается и сложившейся

¹ Law reform to lift stigma from bankruptcy, deliver fairer system // Themandarin.com.au. 09 July 2024. URL: <https://www.themandarin.com.au/250231-law-reform-to-lift-stigma-from-bankruptcy-deliver-fairer-system/#:~:text=Australia%20will%20see%20a%20raft%20of%20reforms%20to,lift%20the%20stigma%20associated%20with%20filing%20for%20bankruptcy>

² См., например: Wharton v Official Receiver in Bankruptcy [2001] 107 FCR 28 [38]. URL: <https://jade.io/article/103129>; Re Sambo G. v. Ex parte Sambo, G [1987] FCA 319 [59]. URL: [https://jade.io/article/193916?at.hl=stigma+AND+bankruptcy; Labocus Precious Metals Pty Ltd v. Thomas \[2007\] FCA 1154 \[53\]. URL: https://jade.io/article/13196/section/140574?asv=gloss_widgets](https://jade.io/article/193916?at.hl=stigma+AND+bankruptcy; Labocus Precious Metals Pty Ltd v. Thomas [2007] FCA 1154 [53]. URL: https://jade.io/article/13196/section/140574?asv=gloss_widgets)

судебной практикой¹. Судьи отмечают продолжительность действия такого рода дисквалификации до момента отпадения оснований либо до момента получения разрешения. Выдавая такое разрешение, судьи учитывают цели заявителя, структуру компаний, характер их деятельности и интересы их акционеров, кредиторов и сотрудников, любые риски для этих лиц или для общества, которые могут возникнуть в связи разрешением, а также обстоятельства, при которых не были выплачены долги, ставшие причиной банкротства, и степень сотрудничества заявителя с доверительным управляющим².

Интересующие нас в контексте данного исследования судебные решения, касающиеся обязанности банкротов раскрывать свой статус при совершении сделок, связаны преимущественно с оспариванием таких сделок. В данном случае обращают внимание на сумму сделок и добросовестность банкрота (сообщил ли он контрагенту или же нет). Отмечается, что «в англо-саксонской системе права возможность оспорить сделки должника основана на положениях правового института доверительной собственности (trust)», вследствие чего доверительный управляющий вправе «оспорить сделки и потребовать передачи ему титула на имущество», в частности принцип “relation back principale” находит свое отражение и в австралийском Законе о банкротстве 1966 года [9, с. 55]. В доктрине критикуют отражающийся в актах

банкротства принцип “relation back”, отмечая отказ многих стран от такой устаревшей конструкции [30, с. 17–19]. Судьи, как и закон, не считают это запретом на совершение сделок в принципе³, а также не рассматривают это правило как препятствие для подписания заявления о согласованных фактах⁴.

Правило о приостановлении искового производства по заявлению лица, признанного впоследствии банкротом, до получения письменного решения доверительного управляющего о возбуждении судебного преследования или прекращении действия иска подтверждается и судебной практикой⁵. Судьи отмечают, что данное правило действует автоматически, и срок на принятие решения доверительным управляющим не может быть продлен⁶.

О сложившейся судебной практике использования банкротами паспортов и ограничении свободы передвижения писал еще К. Саймс [32, с. 99, 102–106]. В частности, автор рассматривает значимые судебные решения, которые используются другими судами при рассмотрении вопроса о возможности ограничения права должника на свободу передвижения. Так, судебная практика исходит из того, что ограничение свободы передвижения банкротов должно рассматриваться как мера, направленная на обеспечение надлежащего применения законодательства о банкротстве и имущественного положения банкротов, а не как наказание, налагаемое на гражданина вследствие

¹ См., например: *Du Bray v. ACW* [2020] FCA 1142 [31]. URL: <https://jade.io/article/759445?at.hl=A+person+is+disqualified+from+managing+corporations+if+the+person+is+an+undischarged+bankrupt+under+the+law+of+Australia%2C+its+external+territories+or+another+country>; *Rich v. Australian Securities and Investments Commission* [2004] HCA 42; 220 CLR 129 [37]. URL: <https://jade.io/article/68489?at.hl=206G>; *Edens Landing Pty Ltd v. Thornton Place Pty Ltd* [2015] QSC 365 [17,18]. URL: <https://jade.io/article/421859?at.hl=A+person+is+disqualified+from+managing+corporations+if+the+person+is+an+undischarged+bankrupt+under+the+law+of+Australia%2C+its+external+territories+or+another+country>; *Orel, in the matter of an application by Orel* [2025] FCA 590 [6, 17]. URL: <https://jade.io/article/1135032?at.hl=206G>

² См., например: *Adams v. Australian Securities and Investments Commission* [2003] FCA 557; 46 ACSR 68 [8]. URL: <https://jade.io/article/107016>; *Jansen v. Australian Securities and Investments Commission* [2003] FCA 1564 [12, 14]. URL: <https://jade.io/article/108191>; *GRD v. BJD* [2018] WASC 374 [12]. URL: <https://jade.io/article/622926>; *Chye v. Australian Securities and Investments Commission* [2012] FCA 1405 [8,9]. URL: <https://jade.io/article/287769>

³ См., например: *Ghannoum v. Papadeas* [2018] NSWSC 1883 [40]. URL: <https://jade.io/article/636608?at.hl=An+undischarged+bankrupt+or+a+debtor+who+is+a+party+to+a+debt+agreement+shall+not>; *Maxcon Constructions P/L v. Vadasz* [2016] SASC 148 [35, 43–49]. URL: <https://jade.io/article/490793?at.hl=An+undischarged+bankrupt+or+a+debtor+who+is+a+party+to+a+debt+agreement+shall+not>; *Maxcon Constructions Pty Ltd v. Vadasz (No 2)* [2016] SASC 156 [45–49]. URL: https://jade.io/article/496100/section/140829?asv=gloss_widgets; *Maxcon Constructions Pty Ltd v. Vadasz (No 2)* [2017] SASCFC 2; 127 SASR 193 [47–59, 65–91]. URL: <https://jade.io/article/520660?at.hl=An+undischarged+bankrupt+or+a+debtor+who+is+a+party+to+a+debt+agreement+shall+not>

⁴ См., например: *Fair Work Ombudsman v. Benny842 Pty Ltd* [2022] FedCFamC2G 693 [29, 30]. URL: <https://jade.io/article/943556?at.hl=An+undischarged+bankrupt+or+a+debtor+who+is+a+party+to+a+debt+agreement+shall+not>

⁵ См., например: *Warren v. Queensland Law Society* [2016] QCA 154. URL: <https://jade.io/article/484372?at.hl=An+action+commenced+by+a+person+who+subsequently+becomes+a+bankrupt+is%2C+upon+his+or+her+becoming+a+bankrupt%2C+stayed+until+the+trustee+makes+election%2C+in+writing%2C+to+prosecute+or+discontinue+the+action>; *Landmark Operations Ltd v. J Tiver Nominees Pty Ltd (No 4)* [2010] SASC 20. URL: <https://jade.io/article/138842?at.hl=An+action+commenced+by+a+person+who+subsequently+becomes+a+bankrupt+is%2C+upon+his+or+her+becoming+a+bankrupt%2C+stayed+until+the+trustee+makes+election%2C+in+writing%2C+to+prosecute+or+discontinue+the+action>; *Glover & Webster* [2021] FedCFamC1A 69; 18 ABC(NS) 553. URL: <https://jade.io/article/902825?at.hl=An+action+commenced+by+a+person+who+subsequently+becomes+a+bankrupt+is%2C+upon+his+or+her+becoming+a+bankrupt%2C+stayed+until+the+trustee+makes+election%2C+in+writing%2C+to+prosecute+or+discontinue+the+action>; *Moran v. Minco Holdings Pty Ltd (in Liquidation)* [2022] WASCA 93. URL: https://jade.io/article/939430/section/140694?asv=gloss_widgets; и др.

⁶ См., например: *Williams v. Turco* [2020] WASC 417 [7]. URL: <https://jade.io/article/776577?at.hl=An+action+commenced+by+a+person+who+subsequently+becomes+a+bankrupt+is%2C+upon+his+or+her+becoming+a+bankrupt%2C+stayed+until+the+trustee+makes+election%2C+in+writing%2C+to+prosecute+or+discontinue+the+action>

неспособности выплатить долги. Учитывая вероятность того, что банкрот может попытаться скрыться от возможного судебного преследования, его законное право выезда за границу следует подчинять законодательству о банкротстве и необходимости надлежащего и эффективного управления его имуществом. При рассмотрении жалоб должников на отказ управляющего в выдаче разрешения на поездку суды в первую очередь изучают действительные причины поездки (личные, рабочие, лечение, участие в судебном разбирательстве и др.), шансы на возвращение должника, а также то, не будет ли отъезд должника препятствием управлению его имуществом. Причем судебные акты, в которых суд принял решение, ориентируясь преимущественно на причины поездки как особые обстоятельства, касаются конкретных обстоятельств и не имеют большого прецедентного значения [32, с. 103–104].

Стигматизация (то есть некое навешивание социального ярлыка) при банкротстве существовала в Австралии с давних пор, и сейчас она проявляется в ряде угнетающих ограничений прав должника, в том числе влияющих на духовную и социальную жизнь и должника, и его семьи (чувство стыда, унижения, подавленности усугубляется оглаской, которую влекут публичная проверка и отражение информации о банкротстве в открытом реестре), а также экономических (невозможность занимать определенные должности, заниматься определенной деятельностью или работать в определенной сфере; ухудшение кредитного рейтинга и кредитной истории, влекущее невозможность получить кредиты и займы либо их получение под более высокий процент) и гражданских прав (ограничение права на свободу передвижения за пределы государства). Необходимость в определенных случаях раскрытия информации о банкротстве негативно влияет на возможность получения должником доходов, на его трудовую деятельность и возможность ведения предпринимательской деятельности. Соглашения с кредиторами позволяют избежать ограничений, налагаемых при признании гражданина банкротом, а также – в большой степени – стигматизации.

3. Сравнительный анализ опыта урегулирования ограничений

Анализ нормативных положений, регламентирующих различные ограничения для должника в отдельных банкротных процедурах и по завершении всех процедур, на примере двух государств, относящихся к «прокредиторской» системе (модели) конкурсного права, показал как некоторые сходства в правовом положении банкротов и бывших банкротов, так и существенные отличия.

В Австралии, как и в России, должники претерпевают ограничения, влекущие последствия как экономического, так и социального характера, а также

ограничения гражданских прав. Возможность облегчения долгового бремени в обоих государствах сопровождается неблагоприятными последствиями для должника, и характер этих последствий позволяет утверждать, что законодатель часто рассматривает должника с точки зрения его потенциальной недобросовестности и исходя из его склонности причинить вред имущественным интересам кредиторов, а следовательно, и общественным интересам. Отсюда и направленность вводимых по отношению к должнику ограничений его прав на защиту кредиторов и общества от возможных решений и действий должника.

Как уже упоминалось выше, законодательство о банкротстве в Австралии строится по «модели ограничений». Данную классификацию систем потребительского банкротства разработал Ян-Окко Хойер в своем исследовании 2013 года на примере 15 стран с развитой экономикой [25]. Помимо модели ограничений он выделил также модель ответственности (подчеркивает ответственность должника за выплату долга), модель милосердия (акцентирует внимание на том, заслуживает ли должник облегчения долгового бремени) и рыночную модель (в основе ее лежит стандартный экономический подход к банкротству, рассматривающий последствия банкротства потребителей как средство распределения рисков на кредитном рынке, которое переносит риск и издержки дефолта с должников на кредиторов с целью повышения эффективности рынка). В статье отдельно не рассматривается такая разновидность банкротства физических лиц, как условно именуемое «потребительское банкротство», но сравнительный анализ моделей банкротства физических лиц в России и Австралии позволяет сделать вывод о том, что отечественную модель также можно отнести к модели ограничений, поскольку предполагаемое отклонение должника от нормы рассматривается как нарушение общественного порядка и социальных норм, на которое российский законодатель также отвечает различными санкциями и ограничениями для должников как в период действия различных процедур, применяемых в деле о банкротстве, так и после завершения таковых, подчеркивая, таким образом, значимость интересов кредиторов и целесообразность механизмов временных воздержаний полноценного участия бывшего должника в имущественном обороте.

Ограничения для бывшего банкрота в России в основном более глобальны, чем в Австралии. Речь идет о запрете принимать на себя обязательства по кредитным договорам и договорам займа без указания на факт своего банкротства, запрете на повторное банкротство по инициативе должника, отказ в освобождении от долгов при повторном банкротстве, запрет занимать должности в органах управления юридического лица или иным образом участвовать в управлении юридическим лицом и др. В Австралии же последствия банкротства, остающиеся после освобождения должника, сводятся к проблемам

с получением кредита (в связи с ухудшившимися кредитным рейтингом и кредитной историей), проблемам с осуществлением предпринимательской деятельности (испорченная деловая репутация вследствие доступности сведений о бывшей неплатежеспособности), а также с трудоустройством (и эти проблемы наиболее серьезны). Если же сложности с кредитованием и осуществлением предпринимательской деятельности напрямую зависят от факта общедоступности сведений о банкротстве и стигматизации банкротства, а не являются следствием прямых запретов законодательства, как в России (что при этом ничуть не умаляет стигматизацию банкротства), то ограничения в области трудовой деятельности в Австралии прямо предусмотрены законом и значительно более обширны по сравнению с Россией.

Если же говорить о влиянии публичности информации о вводимых в отношении должника процедурах, то российский законодатель в плане стигматизации пошел дальше. Сведения о вводимых процедурах доступны без каких-либо ограничений по срокам, причем абсолютно безвозмездно.

Также целесообразно подчеркнуть, что в отечественной правоприменительной практике о принципах «нового старта» речь не идет, абсолютно любое лицо может получить не только сведения о процедурах, вводимых по отношению к должнику, но и его персональные данные. Кроме того, российского должника, в отличие от австралийского, ничего не мотивирует выбрать процедуру реструктуризации долгов, которая может занять больше времени и отнять больше ресурсов должника, поскольку сведения обо всех процедурах остаются в открытом доступе навсегда. Полагаем, что в данном вопросе следует позаимствовать опыт Австралии и, во-первых, установить сбор за получение сведений из ЕФРСБ для частных лиц (государственные органы и ведомства, а также арбитражные управляющие могли бы получать сведения бесплатно по запросу) с целью обеспечения должнику возможности начать сначала и уменьшения стигматизации, а во-вторых, следует ограничить время отображения сведений о банкротстве в реестре. В отношении процедуры реструктуризации долгов сведения надлежит хранить лишь в рамках периода процедуры. Что же касается процедуры реализации имущества, то логично было бы хранить сведения о банкротстве гражданина на период существования ограничений, налагаемых на бывшего банкрота законодательством (то есть на период не более 10 лет с даты завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе данной процедуры).

Отличия есть и в осуществлении должником права на подачу иска и на участие в судебных разбирательствах. В Австралии общее правило запрещает должникам самостоятельно участвовать в судебных разбирательствах, при этом предусмотрены исключения: например, для защиты трудовых прав,

возмещения вреда в связи с диффамацией, а также для возмещения вреда жизни или здоровью должника и членов его семьи при причинении им телесных повреждений. В остальных случаях решение о продолжении судебного разбирательства или его прекращении будет принимать управляющий, исходя из имущественных интересов кредиторов. В России права должника на судебную защиту ограничены абзацем 2 пункта 5 и абзацем 5 пункта 6 статьи 213.25 Закона о банкротстве 2002 года. Права, связанные с имуществом, составляющим конкурсную массу, осуществляет финансовый управляющий. Иными словами, должник вправе самостоятельно вести дела, не связанные с его имущественными правами на конкурсную массу. Ограничивая определенное материальное право, законодатель в России пропорционально ограничил и процессуальное. По смыслу отечественного законодательства должник вправе осуществлять процессуальные права в отношении неимущественных требований, а также требований имущественного характера в отношении имущества, не включаемого в конкурсную массу, что значительно шире права австралийского должника на судебное разбирательство.

Ограничение свободы передвижения за пределы территории государства и в Австралии, и в России возможно лишь при признании должника банкротом. Но если в России это правомочие суда (при этом заявление о принятии обеспечительных мер может подать финансовый управляющий либо кредитор), то в Австралии как администратор, так и доверительный управляющий наделены большей свободой усмотрения, и такое решение относится к их компетенции. Цель применения подобных мер и основания одинаковы в исследуемых государствах, но отнесение данного вопроса к компетенции доверительного управляющего, на наш взгляд, является, с одной стороны, оправданным, поскольку он выступает субъектом профессиональной деятельности и действует на основе фидуциарности, а следовательно, способен оценить обоснованность и необходимость запрета на выезд за границу, добросовестность должника, его заинтересованность в соблюдении имущественных интересов кредиторов, риск уменьшения имущественной массы и шансы на погашение требований кредиторов. Это также позволяет упростить процедуру принятия решения о запрете на выезд, избежать расходов и увеличения нагрузки на суды. С другой стороны, для России подобный вариант неприемлем, в связи с тем, что согласно действующему законодательству решение о запрете на выезд может быть принято только судом, поскольку речь идет об ограничении конституционного принципа свободы передвижения.

Как показал сравнительный анализ регламентации ограничений для должников – физических лиц в рамках процедур несостоятельности и после их завершения в России и Австралии, в каких-то аспектах регулирование правового статуса должника более

удачное в России (например, не такие угнетающие ограничения в сфере трудоустройства или право на судебное разбирательство), а в ряде правовых моментов отечественному законодателю крайне стоит учесть и зарубежный опыт (сбор за получение сведений о банкротстве из специального реестра) или даже усовершенствовать его (установление срока общедоступности сведений о процедурах несостоятельности).

Заключение

Законодательство о банкротстве физических лиц в России и в Австралии предлагает несостоятельному должнику решить сложности с его долгами, восстановить его платежеспособность или лишиться части имущества, чтобы погасить задолженность перед кредиторами и избавиться от остальной задолженности. Вместе с тем должнику необходимо претерпеть ряд ограничений его прав в рамках действующих процедур, применяемых в деле о банкротстве. Ограничения направлены исключительно на обеспечение баланса интересов наряду с максимально возможным удовлетворением требований кредиторов, а также на устранение последствий недобросовестности в результате действия, бездействия должника. Тем самым положения об ограничениях прав должника в рамках банкротных процедур в исследуемых юрисдикциях охраняют имущественные интересы кредиторов от возможного недобросовестного поведения должника и ограждают иных субъектов от взаимодействия с бывшим банкротом. Характер ограничений говорит о том, что направлены они в первую очередь на недобросовестных должников, но применяются ко всем должникам, независимо от их личных качеств. Ограничения прав должника и стигматизация банкротства (как условно современная форма «атимии» (греч. ἀτιμία)) влияют в значительной степени на духовную и социальную жизнь и должника, и его семьи, на его интеграцию в экономическую жизнь, на трудоустройство.

Регламентационные особенности в России заключаются в том, что ограничения прав должника в большей степени зависят от того, в рамках какой процедуры они вводятся, в то время как в Австралии ряд ограничений, вводимых при банкротстве, совпадает с ограничениями, вводимыми на время действия альтернативных банкротству процедур. В целом сравнительный анализ регулирования ограничений для должников – физических лиц в банкротных процедурах и после их завершения в России и Австралии показал, что в некоторых аспектах российское законодательство более благоприятно для должников (например, менее строгие ограничения в сфере трудоустройства и право на судебное разбирательство). В то же время отечественному законодателю целесообразно обратить внимание на зарубежный опыт в ряде аспектов (например, сбор за доступ к информации о банкротстве и установление доверительным

управляющим ограничений на свободу передвижения) и даже усовершенствовать его (например, установить срок доступности информации о соответствующих процедурах).

Ограничения прав должников и элементы стигматизации банкротства физических лиц и в Австралии, и в России на определенный период фактически устанавливают частичное поражение в гражданских правах и часто препятствуют осознанию реабилитационного смысла банкротства, в том числе противоречат доктрине «нового старта», поддерживаемой в большинстве развитых стран. Вместе с тем наличие определенного общего набора негативных характеристик и установок, моделей поведения у всех лиц, которые были банкротами или являются ими в настоящий момент, а следовательно, преобладающее негативное отношение законодателей и общества ко всем должникам и банкротам как к недобросовестным лицам, не исполняющим принятые на себя обязательства, не отвечают цели соблюдения баланса между интересами должника и кредиторов. Улучшение положения должника, уменьшение стигматизации и обеспечение ему минимально комфортного уровня жизни во время процедуры банкротства представляют собой положительную тенденцию, соответствующую стремлению мирового сообщества к либерализации законодательства о банкротстве физических лиц и направленную на достижение баланса интересов между должником и кредиторами, а также на реабилитацию должника и его реинтеграцию в экономическую среду.

Библиографический список

1. *Бештоев М. И.* Тенденции развития института банкротства: движение от репрессии – к реабилитации должника // Эффективное антикризисное управление. 2015. № 5(92). С. 62–75. DOI 10.17747/2078-8886-2015-5-62-75
2. *Богдановская И. Ю.* Эволюция судебного прецедента в «общем праве» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 2. С. 75–87.
3. *Бредихин А. Л.* Банкротство гражданина как ограничение дееспособности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3(31). С. 69–72.
4. *Васильева Н. А.* Судебное банкротство граждан: права должника против интересов кредиторов // Имущественные отношения в РФ. 2023. № 3 (258). С. 48–52.
5. *Вахтинская Е. М.* Основные черты гражданского процесса Австралии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 182 с.
6. *Киселев А. А.* Значение судебных решений в Англии, Германии и Франции // Новый юридический вестник. 2025. № 2(44). С. 36–39.
7. *Коршунова П. В.* Правовые средства обеспечения единства судебной практики в странах общего права // Электронный научный журнал «Наука.

Общество. Государство». 2020. Т. 8, № 3. С. 187–197. DOI 10.21685/2307-9525-2020-8-3-22.

8. Кузнецова О. А. Проблемы учения о гражданско-правовой ответственности // *Lex Russica*. 2017. № 5(126). С. 11–23. DOI 10.17803/1729-5920.2017.126.5.011-023

9. Одинцов С. В. Оспаривание сделок должника: сравнительно-правовые аспекты, доктринальное толкование и правоприменительная практика // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2013. № 12. С. 49–57.

10. Одинцов С. В., Суржанов С. В. Правовой статус кредиторов в австралийском законодательстве о несостоятельности (банкротстве) // *Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: сб. ст. (Москва, 14 октября 2016 г.)*. М.: Рос. ун-т дружбы народов (РУДН), 2016. С. 54–62.

11. Пирогова Е. С. Ограничение правоспособности и дееспособности юридических лиц – должников в рамках дел о несостоятельности (банкротстве). Саратов: КУБик, 2012. 128 с.

12. Полич С. Б. Пределы ограничения дееспособности банкротящихся граждан // *Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения*. 2016. № 3. С. 316–324.

13. Полич С. Б. Ограничение дееспособности гражданина – банкрота // *Проблемы права*. 2020. № 4(78). С. 37–39. DOI 10.14529/pro-prava200405

14. Родина Н. В. Влияние несостоятельности на право- и дееспособность физических лиц // *Аграрное и земельное право*. 2019. № 7(175). С. 73–76.

15. Рожкова М. А. Судебный прецедент и судебная практика // *Иски и судебные решения: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова*. М.: СТАТУТ, 2009. С. 320–353.

16. Фролов И. В. Модели ограничения дееспособности должников в делах о банкротстве граждан // *Вестник арбитражной практики*. 2023. № 5(108). С. 12–24.

17. Ageeva G. E., Lang P. P. Development of the Bankruptcy Institution in Russia: Features of Procedural and Legal Regulation // *Problems of Enterprise Development: Theory and Practice 2018: SHS Web of Conferences*. 2019. Vol. 62. Issue 10001. Pp. 1–4. DOI 10.1051/shsconf/20196210001

18. Ali P., O'Brien L., Ramsay I. 'Short a Few Quid': Bankruptcy Stigma in Contemporary Australia // *University of New South Wales Law Journal*. 2015. Vol. 38. Issue 4. Pp. 1575–1613.

19. Ben-Ishai S., Schwartz S. Bankruptcy for the Poor? // *Osgoode Hall Law Journal*. 2007. Vol. 45. Issue 3. Pp. 471–512. DOI 10.60082/2817-5069.1233.

20. Bezbakh V. V., Frolova E. E. Augmented Reality and Civil Law Regulation of Business Relations // In: *Shakova A. O., Frolova E. E. (eds) Smart Technologies for the Digitisation of Industry: Entrepreneurial Environment. Smart Innovation, Systems and Technologies*. Springer, Singapore. 2022. Vol. 254. Pp. 30–38. DOI 10.1007/978-981-16-4621-8_3

21. Bromberg L., Ramsay I., Ali P. The Vulnerability of Older Australians in Bankruptcy: Insights from an Empirical Study // *Adelaide Law Review*. 2018. Vol. 39. Issue 4. Pp. 393–437.

22. Insights into the Impact of Bankruptcy's Public Record on Entrepreneurial Activity: Evidence from Economic Experiments / U. Dulleck, N. Howell, A.-K. Koessler, R. Mason // *SSRN Electronic Journal*. 2018. Pp. 1–46. DOI 10.2139/ssrn.3203132

23. Erskine J. The Principles of the Law of Scotland. Edinburgh: Bell & Bradfute, 1860. 734 p.

24. Gribovskaya M. Exclusion of Funds for Treatment from the Bankruptcy Estate in Personal Bankruptcy Cases // *We speak Legal English, German, French, Spanish...* Moscow, 2023. Pp 74–76.

25. Heuer J.-O. Social Inclusion and Exclusion in European Consumer Bankruptcy Systems // *International Conference: Shifting to Post-Crisis Welfare States in Europe? Long Term and Short Term Perspectives (Berlin, 4–5 June 2013)*. Available at: https://www.academia.edu/3992692/Social_Exclusion_in_European_Consumer_Bankruptcy_Systems?source=swp_share

26. Howell N. The fresh start goal of the Bankruptcy Act: Giving a Temporary Reprieve or Facilitating Debtor Rehabilitation? // *QUT Law Review*. 2014. Vol. 14. Issue 3. Pp. 29–52.

27. Howell N., Mason R. Reinforcing Stigma or Delivering a Fresh Start: Bankruptcy and Future Engagement in the Workforce // *The University of New South Wales Law Journal*. 2015. Vol. 38. Issue 4. Pp. 1529–1574.

28. Kadens E. The Last Bankrupt Hanged: Balancing Incentives in the Development of Bankruptcy Law // *Duke Law Journal*. 2010. Vol. 59. Issue 7. Pp. 1229–1319.

29. Manju S., Hitoishi S., Katal N. Analysing the Fresh Start Doctrine: A South Asian Perspective Through the Lens of India // *National Law School Business Law Review [website]*. 19.04.2022. URL: <https://www.nlsblr.com/post/analysing-the-fresh-start-doctrine-a-south-asian-perspective-through-the-lens-of-india>

30. Mason R., O'Mahony S. Perspectives on Australian Bankruptcy Law Through the Prism of the World Bank Report on the Treatment of the Insolvency of Natural Persons // *QUT Law Review*. 2014. Vol. 14. Issue 3. Pp. 3–28. DOI 10.5204/qutlr.v14i3.549

31. Ramsay I., Sim C. The Role and Use of Debt Agreements in Australian Personal Insolvency Law // *Insolvency Law Journal*. 2011. Vol. 19. Issue 3. Pp. 168–201.

32. Symes C. Bankrupts and Passports: A Call to Repeal SS 77(1)(A)(II) and 272(1)(C) of the Bankruptcy Act // *QUT Law Review*. 2014. Vol. 14. Issue 3. Pp. 98–110. DOI 10.5204/qutlr.v14i3.556

33. Symes C., Wellard M. After-Acquired Income and Contributions by Australian Bankrupts: Can Pay, Should Pay, Making Them Pay! // *QUT Law Review*. 2014. Vol. 14. Issue 3. Pp. 53–78. DOI 10.5204/qutlr.v14i3.557

34. Zubarev I. S. Analysis of the bankruptcy of individuals: innovations and alternatives // *International Journal of Professional Science*. 2017. Issue 1. Pp. 41–45.

References

1. Beshtoev M.I. Tendentsii razvitiya instituta bankrotstva: dvizhenie ot repressii – k reabilitatsii dolzhnika [Trends in the Development of the Bankruptcy Institution: The Movement from Repression to Rehabilitation of the Debtor]. *Effektivnoe antikrizisnoe upravlenie – Effective Crisis Management*. 2015. Vol. 5. Issue 92. Pp. 62–75. DOI 10.17747/2078-8886-2015-5-62-75 (In Russ.)
2. Bogdanovskaya I. Yu. Evolyutsiya sudebnogo pretsedenta v “obshchem prave” [Evolution of the Judicial Precedent in the Common Law Countries]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2010. Issue 2. Pp. 75–87. (In Russ.)
3. Bredikhin A. L. Bankrotstvo grazhdanina kak ogranichenie deеспosobnosti [Bankruptcy of a Citizen as a Restriction of Legal Capacity]. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*. 2021. Vol. 3. Issue 31. Pp. 69–72. (In Russ.)
4. Vasilyeva N. A. Sudebnoe bankrotstvo grazhdan: prava dolzhnika protiv interesov kreditorov [Judicial Bankruptcy of Citizens: The Rights of the Debtor Against the Interests of Creditors]. *Imushchestvennye otnosheniya v RF – Property Relations in the Russian Federation*. 2023. Vol. 3. Issue 258. Pp. 48–52. (In Russ.)
5. Vakhtinskaya E. M. Osnovnye cherty grazhdanskogo protsessava Avstralii [The Main Features of the Australian Civil Procedure]: Cand. jurid. sci. diss. Moscow, 2013. 182 p. (In Russ.)
6. Kiselev A. A. Znachenie sudebnykh resheniy v Anglii, Germanii i Frantsii [The Significance of Court Decisions in England, Germany and France]. *Novyy yuridicheskiy vestnik – New Legal Bulletin*. 2025. Vol. 2. Issue 44. Pp. 36–39. (In Russ.)
7. Korshunova P. V. Legal Means of Ensuring the Unity of Judicial Practice in Common Law Countries. *Science. Society. State*. 2020. Vol. 8. Issue 3. Pp. 187–197. DOI 10.21685/2307-9525-2020-8-3-22 (In Russ.)
8. Kuznetsova O. A. Problems of the Civil Liability Doctrine. *Lex Russica*. 2017. Vol. 5. Issue 126. Pp. 11–23. DOI 10.17803/1729-5920.2017.126.5.011-023 (In Russ.)
9. Odintsov S. V. Challenging Transactions Debtor: Comparative Legal Aspects Doctrinal Interpretation and Practice. *Property Relations in the Russian Federation*. 2013. Issue 12. Pp. 49–57. (In Russ.)
10. Odintsov S. V., Surzhanov S. V. Pravovoy status kreditorov v avstraliyskom zakonodatelstve o nesostoyatelnosti (bankrotstve) [The Legal Status of Creditors in Australian Insolvency (Bankruptcy) Legislation]. *Sravnitel'no-pravovye aspekty pravootnosheniy grazhdanskogo oborota v sovremennom mire [Comparative Legal Aspects of Legal Relations Within Civil Turnover in the Modern World]: a collection of scientific papers*. Moscow, 2016. Pp. 54–62. (In Russ.)
11. Pirogova E. S. Ogranichenie pravospособnosti i deеспosobnosti yuridicheskikh lits — dolzhnikov v ramkakh del o nesostoyatelnosti (bankrotstve) [Limitation of the Legal Capacity and Capacity to Act of Debtor Legal Entities in Insolvency (Bankruptcy) Proceedings]. *Saratov*, 2012. 128 p. (In Russ.)
12. Polich S. B. Predely ogranicheniya deеспosobnosti bankrotyashchikhsya grazhdan [The Limits of the Restriction of the Legal Capacity of Bankrupt Citizens]. *Sovremennye tendentsii razvitiya grazhdanskogo i grazhdanskogo protsessualnogo zakonodatelstva i praktiki ego primeneniya – Current Trends in the Development of Civil and Civil Procedure Legislation and the Practice of Its Application*. 2016. Issue 3. Pp. 316–324. (In Russ.)
13. Polich S. B. Ogranichenie deеспosobnosti grazhdanina [Restriction of the Capacity of the Citizen Bankrupt]. *Issues of Law*. 2020. Vol. 4. Issue 78. Pp. 37–39. DOI 10.14529/pro-prava200405 (In Russ.)
14. Rodina N.V. Vliyaniye nesostoyatelnosti na pravo- i deеспosobnost fizicheskikh lits [Impact of Insolvency on the Legal Capacity and Capacity to Act of Individuals]. *Agrarnoe i zemelnoye pravo – Agrarian and Land Law*. 2019. Vol. 7. Issue 175. Pp. 73–76. (In Russ.)
15. Rozhkova M. A. Sudebnyy pretsedent i sudebnaya praktika [Judicial Precedent and Judicial Practice]. *Iski i sudebnye resheniya [Claims and Court Decisions]: a collection of scientific papers*. Ed. by M. A. Rozhkova. Moscow, 2009. Pp. 320–353. (In Russ.)
16. Frolov I. V. Modeli ogranicheniya deеспosobnosti dolzhnikov v delakh o bankrotstve grazhdan [Models for Restricting the Legal Capability of Debtors in Private Bankruptcy Cases]. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*. 2023. Vol. 5. Issue 108. Pp. 12–24. (In Russ.)
17. Ageeva G. E., Lang P. P. Development of the Bankruptcy Institution in Russia: Features of Procedural and Legal Regulation. *Problems of Enterprise Development: Theory and Practice 2018: SHS Web of Conferences*. 2019. Vol. 62. Article 10001. Pp. 1–4. DOI 10.1051/shsconf/20196210001 (In Eng.)
18. Ali P., O'Brien L., Ramsay I. “Short a Few Quid”: Bankruptcy Stigma in Contemporary Australia. *University of New South Wales Law Journal*. 2015. Vol. 38. Issue 4. Pp. 1575–1613. (In Eng.)
19. Ben-Ishai S., Schwartz S. Bankruptcy for the Poor? *Osgoode Hall Law Journal*. 2007. Vol. 45. Issue 3. Pp. 471–512. DOI 10.60082/2817-5069.1233. (In Eng.)
20. Bezbakh V. V., Frolova E. E. Augmented Reality and Civil Law Regulation of Business Relations. In: *Inshakova A. O., Frolova E. E. (eds.) Smart Technologies for the Digitisation of Industry: Entrepreneurial Environment. Smart Innovation, Systems and Technologies*. Singapore, Springer, 2022. Vol. 254. Pp. 30–38. DOI 10.1007/978-981-16-4621-8_3 (In Eng.)
21. Bromberg L., Ramsay I., Ali P. The Vulnerability of Older Australians in Bankruptcy: Insights from an

Empirical Study. *Adelaide Law Review*. 2018. Vol. 39. Issue 4. Pp. 393–437. (In Eng.)

22. Dulleck U., Howell N., Koessler A.-K., Mason R. Insights into the Impact of Bankruptcy's Public Record on Entrepreneurial Activity: Evidence from Economic Experiments. *SSRN Electronic Journal*. 2018. Pp. 1–46. DOI 10.2139/ssrn.3203132 (In Eng.)

23. Erskine J. *The Principles of the Law of Scotland*. Edinburgh, 1860. 734 p. (In Eng.)

24. Gribovskaya M. Exclusion of Funds for Treatment from the Bankruptcy Estate in Personal Bankruptcy Cases. *We speak Legal English, German, French, Spanish...* Moscow, 2023. Pp. 74–76. (In Eng.)

25. Heuer J.-O. Social Inclusion and Exclusion in European Consumer Bankruptcy Systems. *International Conference: Shifting to Post-Crisis Welfare States in Europe? Long Term and Short Term Perspectives*. Berlin, 2013. Available at: https://www.academia.edu/3992692/Social_Exclusion_in_European_Consumer_Bankruptcy_Systems?source=swp_share (In Eng.)

26. Howell N. The Fresh Start Goal of the Bankruptcy Act: Giving a Temporary Reprieve or Facilitating Debtor Rehabilitation? *QUT Law Review*. 2014. Vol. 14. Issue 3. Pp. 29–52. (In Eng.)

27. Howell N., Mason R. Reinforcing Stigma or Delivering a Fresh Start: Bankruptcy and Future Engagement in the Workforce. *The University of New South Wales Law Journal*. 2015. Vol. 38. Issue 4. Pp. 1529–1574. (In Eng.)

28. Kadens E. The Last Bankrupt Hanged: Balancing Incentives in the Development of Bankruptcy Law.

Duke Law Journal. 2010. Vol. 59. Issue 7. Pp. 1229–1319. (In Eng.)

29. Manju S., Hitoishi S., Katyal N. Analysing the Fresh Start Doctrine: A South Asian Perspective Through the Lens of India. *National Law School Business Law Review [website]*. 2022, April 19. Available at: <https://www.nlsblr.com/post/analysing-the-fresh-start-doctrine-a-south-asian-perspective-through-the-lens-of-india> (In Eng.)

30. Mason R., O'Mahony S. Perspectives on Australian Bankruptcy Law Through the Prism of the World Bank Report on the Treatment of the Insolvency of Natural Persons. *QUT Law Review*. 2014. Vol. 14. Issue 3. Pp. 3–28. DOI 10.5204/qutlr.v14i3.549 (In Eng.)

31. Ramsay I., Sim C. The Role and Use of Debt Agreements in Australian Personal Insolvency Law. *Insolvency Law Journal*. 2011. Vol. 19. Issue 3. Pp. 168–201. (In Eng.)

32. Symes C. Bankrupts and Passports: A Call to Repeal SS 77(1)(A)(II) and 272(1)(C) of the Bankruptcy Act. *QUT Law Review*. 2014. Vol. 14. Issue 3. Pp. 98–110. DOI 10.5204/qutlr.v14i3.556 (In Eng.)

33. Symes C., Wellard M. After-Acquired Income and Contributions by Australian Bankrupts: Can Pay, Should Pay, Making Them Pay! *QUT Law Review*. 2014. Vol. 14. Issue 3. Pp. 53–78. DOI 10.5204/qutlr.v14i3.557 (In Eng.)

34. Zubarev I. S. Analysis of the Bankruptcy of Individuals: Innovations and Alternatives. *International Journal of Professional Science*. 2017. Issue 1. Pp. 41–45. (In Eng.)

Информация об авторах:

С. В. Одинцов

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
и международного частного права

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы (РУДН)
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

ORCID: 0000-0002-3403-3519
ResearcherID: X-3215-2019

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI 10.17223/15617793/498/21
DOI 10.17223/15617793/487/25
DOI 10.1007/978-3-030-47945-9_125
DOI 10.34069/ai/2020.27.03.13
DOI 10.9770/jesi.2019.6.4(11)
DOI 10.2991/iscde-19.2019.154
DOI 10.2991/aebmr.k.200502.036
DOI 10.17323/2072-8166.2025.3.226.251

About the authors:

S. V. Odintsov

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University
of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia

ORCID: 0000-0002-3403-3519
ResearcherID: X-3215-2019

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI 10.17223/15617793/498/21
DOI 10.17223/15617793/487/25
DOI 10.1007/978-3-030-47945-9_125
DOI 10.34069/ai/2020.27.03.13
DOI 10.9770/jesi.2019.6.4(11)
DOI 10.2991/iscde-19.2019.154
DOI 10.2991/aebmr.k.200502.036
DOI 10.1051/shsconf/202112806007
DOI 10.17323/2072-8166.2025.3.226.251

М. С. Грибановская

преподаватель кафедры государственно-правовых
и гражданско-правовых дисциплин

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского
241036, Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14

ORCID: 0000-0002-3583-7033
ResearcherID: NXC-4554-2025

Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI 10.17323/2072-8166.2025.3.226.251

M. S. Gribanowskaya

Bryansk State University
named after Academician I.G. Petrovsky
14, Bezhitskaya st., Bryansk, 241036, Russia

ORCID: 0000-0002-3583-7033
ResearcherID: NXC-4554-2025

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI 10.17323/2072-8166.2025.3.226.251